

Религиозная жизнь студентов богословских учебных заведений¹

Бенджамин Уорфилд

Служитель церкви должен быть одновременно образованным и религиозным человеком. Выбрать лишь одно из двух нельзя. Он должен учиться, но делать это в присутствии Бога, а не духа светской культуры. Он должен видеть преимущество в том, что он учится в среде, где нет ничего важнее Бога и спасения от греха. Он также должен использовать все предоставляющиеся возможности для совместного поклонения, особенно пока он учится в семинарии. Христос Своим примером показывает важность участия в коллективном проявлении религиозной жизни сообщества верующих людей. Если служитель выполняет церковную работу, не уделяя время молитве, он совершает трагическую ошибку. Труд и молитва должны идти рука об руку, коль скоро служитель Божий надеется проповедовать Евангелие чисто, ясно и убедительно.

Меня попросили высказать вам свои соображения о религиозной жизни студентов богословских учебных заведений. Я обращаюсь к этой теме с определенной долей страха, потому что считаю, что это один из самых важных предметов, о которых мы можем рассуждать. Надеюсь, вы не заподозрите меня в том, что этими словами я принижаю важность интеллектуальной подготовки будущих служителей. Ведь богословские семинарии для того и существуют, чтобы интеллектуально подготовить студентов к служению. Что бы вы ни говорили и ни думали, но служение в церкви – это «профессия образованных». Если человек не образован, то не имеет значения, какими дарами он обладает, – он не годится в служители. Но хотя образование является необходимым условием для служителя, есть нечто еще более необходимое. «Учителен», – говорит Павел; служитель должен быть способен учить, и я еще раз подчеркну: способен *учить*. Он должен быть способен не только призывать, увещевать, умолять, обличать; и даже не только свидетельствовать, а именно учить. А учение предполагает наличие знаний: учащий должен знать. Другими словами, Павел ожидает от вас не просто вдохновляющих проповедей, но обязательно обучающих. И все же способность учить сама по себе не делает из человека служителя, не в ней заключается главное требование для проповедника. Она лишь одно из длинного списка требований, которые Павел выдвигает к тем, кто собирается руководить церковью. А все остальные требования касаются не интеллектуальной подготовленности, а духовного состояния. Служитель должен быть образован, иначе не сможет выполнять свою работу. Но еще важнее, чтобы он был благочестив.

Однако мы совершили бы роковую ошибку, если бы противопоставили эти два типа требований друг другу. Офицеры, отвечающие за призыв солдат в армию, не

¹ Статья была опубликована в Журнале семинарии «Мастерс». № 6/2. Осень 1995. С. 181–195. Переведена и опубликована на сайте prorovedi.ru с разрешения правообладателей.

Перед вами речь, произнесенная доктором Уорфилдом на Осенней конференции Принстонской богословской семинарии 4 октября 1911 года. То, как Уорфилд описывает взаимосвязь между изучением богословия и личной духовной жизнью (вместо привычного для нас сегодня слова «духовность» он использует слово «религиозность»), заслуживает пристального внимания церковных руководителей как сегодня, так и в будущем. Вступительное резюме – наше добавление к оригинальному тексту. *Редактор Журнала семинарии «Мастерс».*

спрашивают, что лучше: чтобы у новобранца была правая нога или левая? У солдата должно быть две ноги! Иногда нам говорят, что десять минут на коленях дадут нам больше истинных знаний о Боге, чем десять часов чтения книг. «Десять минут молитвы вместо десяти часов чтения? Чушь!» – должны уверенно ответить мы на это. Почему мы должны забывать о Боге, обращаясь к книгам? Откуда берется это ложное чувство, что мы, чтобы обратиться к Богу, должны забыть о книгах? Если образование и духовность настолько несовместимы, тогда интеллектуальная жизнь – это проклятие, тогда все студенты, даже изучающие богословие, должны проститься с религиозной жизнью. Получается, что сам факт того, что человек – студент, лишает его духовной жизни. Но раз меня попросили говорить о религиозной жизни студентов, значит, мы признаем, что подобное противопоставление абсурдно. Вы студенты богословских факультетов, и это предполагает, что вы религиозные люди, для которых культивирование религиозной жизни является одним из приоритетов, настолько значимым приоритетом, что вы всей душой желаете узнать, какие опасности грозят вашей религиозности и какими средствами религиозность можно сохранить и приумножить. У вас нет выбора «или – или»: или вы студент, или вы человек Божий. Вы должны быть и тем и другим.

Я хотел бы добавить еще несколько соображений по поводу взаимосвязи между учебой и религиозной жизнью студента-богослова. Конечно, вы не считаете, что религия и учеба исключают друг друга. Но думаю, среди вас могут найтись те, кто проводит слишком четкую границу между этими двумя сферами жизни, кто разводит их по разным углам, кто убежден, что не может посвятить себя тому и другому в равной мере. Такая позиция – большое заблуждение. Религия не мешает человеку заниматься своим делом; напротив, она направляет его к этому делу, наделяя еще большим чувством долга. Разве мы не поем такие слова?

Учи меня, мой Царь и Бог,
Во всем Тебя искать,
Чтоб дела каждого итог
Тебя мог прославлять.

И будет славен рабский труд,
И доля не тяжка,
Коль для Тебя его свершат
Послушные сердца.

Возможно, Джордж Герберт несколько преувеличенно выразил мою мысль. И все же он удачно напоминает нам, что человек может смотреть на свою работу как на окно – и видеть либо оконное стекло, либо бескрайнее небо, открывающееся из окна. Он говорит нам, что нет ничего настолько приземленного, чего не могли бы освятить великие слова «во имя Твое»:

Такие мысли в один миг
Изменяют жизнь слуги:
Свершая подвиг для Тебя,
Он будет пол мести.

Его стихи основаны на том же учении, что и моя мысль, – на великом протестантском учении, из которого вытекает вся христианская этика. Я имею в виду учение о призвании, суть которого в том, что лучше всего мы служим Богу тогда, когда

выполняем свой долг – свои простые, бытовые обязанности, какими бы они ни были. В Средние века люди думали иначе. В те времена была проведена четкая граница между религиозной и мирской жизнью. Церковь учила, что если кто-то хочет быть религиозным человеком, то он должен отвернуться от того, что называлось «миром», то есть не от пороков мира, не от «мира, плоти и дьявола», а от мира повседневной работы, от тех дел, которыми ежедневно заняты люди, трудящиеся во благо ближним и самим себе. Протестантизм покончил с этим. Профессор Домеру по этому поводу метко выразился: «Потом пришел Лютер и стал провозглашать идею „призвания“, а за ним – Кальвин, который учил идее призвания с еще большей последовательностью. Слово, выражающее эту великую мысль, есть в языках всех протестантских народов – *Beruf, calling, vocation* – и его нет в языках античной и средневековой культуры. „Призвание“ означает, что Бог призывает каждого человека, кем бы он ни был, взяться за определенную работу, какой бы она ни была. И поскольку все призвания совершенно равны, то, следовательно, равны и призванные. Глава города – Божий глава; врач – Божий врач; торговец – Божий торговец; ремесленник – Божий ремесленник. Любое призвание – и работника, как говорится, умственного труда, и обычного рабочего – от Бога; самая „грязная“ работа, точно так же, как и самое изысканное занятие, – от Бога». Расскажите мне теперь о том, что царская власть – дар Божий! Любая рабочая специальность – дар от Бога, которого никто не должен стыдиться, только если он трудится хорошо и честно. «Только лень, – добавляет профессор Домеру, – неблагоприятна. И в то время как римское католичество умножало ордена нищенствующих монахов, Реформация изгоняла бездельников из своих городов».

Ваше же призвание как студентов-богословов – изучать богословие; изучать его усердно, в соответствии с апостольским наставлением: «И все, что делаете, делайте от души, как для Господа». Именно для этой цели вы изучаете богословие. В этом и состоит ваш непосредственный долг, а пренебрежение им не является полезным религиозным упражнением. Доктор Чарльз Ходж в своих замечательных автобиографических очерках рассказывает, что Филип Линдси (в свое время самый популярный профессор в Принстонском колледже и самый востребованный кандидат на пост президента университета в центральных штатах) «говорил своим студентам, что один из лучших способов подготовиться к смерти – хорошо знать грамматику греческого языка». И далее Ходж добавляет свою, как всегда меткую, ремарку: «Таким образом он сообщал нам, что мы обязаны выполнять свой долг». Нет никаких сомнений в том, что человек, желающий быть религиозным, должен начинать с выполнения своего долга, тех очевидных ежедневных обязанностей, которые он должен выполнять в определенное время и в определенном месте. Если его обязанностью является учеба, тогда успех его религиозной жизни зависит в первую очередь от того, насколько усердно он учится. Студент, который не учится, не может быть религиозным человеком, точно так же, как им не может быть отец, не уделяющий внимания детям, сын, не уважающий отца, ремесленник, работающий спустя рукава и отдающий заказчику брак, наемный рабочий, старающийся только под присмотром. Иначе быть не может: нельзя вести религиозную жизнь, не выполняя свои простые повседневные обязанности. Вы можете думать о своей учебе что угодно. Вам может казаться, что это «рабский труд», о котором поется в той песне. Но вы должны полностью отдавать себя учебе, если хотите быть религиозными людьми. Ни один человек не достигнет успеха в религиозности, если он будет пренебрегать своим долгом.

Если студент не учится, значит, в его религиозной жизни есть проблемы. В то же время, успешная учеба еще не доказывает, что в религиозной жизни у него все

хорошо. Можно учиться – даже богословию! – полностью в духе светского человека. Я только что сказал, что религия понуждает человека делать свое дело с удвоенной посвященностью. Под «посвященностью» (англ. *devotion*. – *Примеч. пер.*) я понимаю и «усердие», и «религиозное упражнение», как и указано в «Стандартном словаре». По-настоящему религиозный человек будет изучать все, что бы ни выпало ему изучать, с посвященностью в обоих смыслах слова. Именно к этому его призывает его религия: выполнять свой долг, выполнять его старательно, выполнять его «как для Господа». Но во многих сферах знания нет ничего, что питало бы религиозную жизнь, пробуждало бы религиозные чувства или наводило бы на религиозные размышления. И если мы приобретаем эти знания «в Господе», то только в том смысле, что мы делаем это «как для Господа»: наши занятия являются поклонением только в том смысле, в каком поклонением является «подметание пола». Но с богословием все иначе. Во всех своих разделах богословие ставит перед собой одну уникальную цель – познание Бога. Студент-богослов находится в присутствии Бога в силу самого занятия богословием. Может ли религиозный человек находиться перед Богом и не поклоняться Ему? Как я уже сказал, даже богословие можно изучать в светском духе. Но это возможно только для нерелигиозного человека. И вот я даю вам критерий, при помощи которого вы можете оценивать свое религиозное состояние, инструмент, которым вы можете пробуждать свою религиозность. Выполняете ли вы свои обязанности студента-богослова как «религиозное занятие»? Если нет, то задумайтесь о себе: не может не быть духовных проблем у человека, который ежедневно сталкивается с божественным и при этом остается равнодушным к Богу. Если да, тогда радуйтесь! Но в любом случае следите за тем, чтобы учеба была «религиозным занятием», чтобы религиозная составляющая в ней росла. Как бы вы ни относились к учебе раньше, отныне постарайтесь сделать так, чтобы всякое изучение богословия было «религиозным занятием». Это главное правило для богатой и полноценной религиозной жизни студента-богослова. Вкладывайте сердце в учебу – не только занимайте ею голову, но вкладывайте в нее сердце. Учеба ежедневно и даже ежечасно вводит вас в присутствие Бога: Его пути, Его отношение к людям, безграничное величие Его бытия – суть приобретаемых вами знаний. Снимите обувь с ног ваших, ибо это земля святая!

Вы часто слышите, что опасность для студента-богослова кроется как раз в том, что он постоянно соприкасается с божественным и поэтому божественное становится для него чем-то обыденным, привычным. Как обычный человек дышит воздухом и видит при солнечном свете, не задумываясь о том, что это Бог в Своей благодати повелевает солнцу всходить над ним, хотя он и грешен, и посылает ему дождь, хотя он и не праведен, так и вы можете прикасаться к храмовой утвари и при этом думать лишь о земном материале, из которого эта утварь сделана. Слова о Божьем ужасающем величии или о Его славной благодати могут остаться для вас просто словами – еврейскими и греческими, с их этимологией, падежными формами и грамматическими связями в предложении. Соображения, разъясняющие вам тайны спасительных деяний Бога, могут казаться вам лишь логическими построениями, с посылками и выводами, красиво и уверенно ведущими вас от одного утверждения к другому – и вы можете увидеть в них лишь логическую убедительность и ничего больше. Царственная поступь Бога в истории искупления может оказаться для вас лишь набором исторических событий, которые объясняют сложившиеся социальные и религиозные устои и на основании которых можно спрогнозировать дальнейшее развитие общества, и которые ничем не отличаются от других известных вам событий, произошедших во времени и в пространстве. Это *есть* великая опасность для вас. Но великая опасность – одновременно и великая привилегия! Только подумайте, как вам повезло, что угроза исходит от того, что вам дано близко и постоянно соприкасаться с божественным!

Другие люди, возможно,отягощены невыносимыми условиями жизни и ежедневной борьбой за пропитание, мир требует от них всех их сил и внимания, они тонут в работе, которую обязаны выполнять, поэтому у них почти нет времени на то, чтобы остановиться и задуматься о том, есть ли Бог, нужна ли им религия, что такое спасение от греха, который окружает их и держит в плену. Но вы буквально дышите размышлениями об этом, вы впитываете истину всеми пораами своего существа, истина окружает вас и подступает к вам со всех сторон. И опасность, что все это станет обыденным, конечно, есть. Да даст вам Бог, чтобы вы не устали от Бога!

Знакома ли вам эта опасность? Или поставим вопрос иначе: знакомы ли вам ваши привилегии? Используете ли вы их в полной мере? Растете ли вы в святости, постоянно соприкасаясь с божественным, становитесь ли мужами Божьими? Если нет, значит, вас охватывает равнодушие! И сегодня я стою здесь, чтобы призвать вас со всей серьезностью отнестись к изучению богословия не только как к своему долгу, выполняемому ради Бога и в силу этого священному, но и как к религиозному занятию, которое само по себе несет религиозное благословение и по своей сути предназначено для того, чтобы наполнять ваши разум, сердце, душу и жизнь божественными мыслями, чувствами, устремлениями и достижениями. Учась в богословской семинарии, вы никогда не добьетесь успеха в религиозной жизни, пока ваш труд в семинарии не станет для вас религиозным занятием, ежедневно наполняющим ваше сердце восторгом и радостью о вашем Создателе и Спасителе.

Думаю, вы понимаете, что я не призываю вас сделать учебу своим единственным религиозным занятием. Да, изучение богословия – одно из самых благословенных религиозных занятий, ваша религиозная жизнь в целом зависит от того, воспринимаете ли вы учебу именно так. Но есть и другие религиозные занятия, требующие от вас дисциплинированного отношения – пренебрежение ими наносит серьезный ущерб вашей религиозной жизни. В частности я имею в виду утвержденные религиозные собрания в нашей семинарии. Я хочу, чтобы ни у кого на этот счет не было никаких сомнений. Никто не может отказаться от участия в богослужениях, утвержденных в общине, членом которой он является, – иначе он нанесет серьезный урон своей личной религиозной жизни. Не случайно новозаветный автор соединяет вместе два увещания: «будем держаться исповедания упования неуклонно» и «не будем оставлять собрания своего». Когда он повелевает не оставлять «собрания вашего», он, как показывает используемое им слово, имеет в виду утвержденные, официальные встречи общины и хочет внушить сердцу и совести своего читателя истину о его долге и перед церковью, к которой он принадлежит, и перед самим собой. А добавляя «как есть у некоторых обычай», он добавляет к увещанию упрек. Мы буквально видим, как он хмурится, когда говорит это. Кто эти люди, кто настолько силен и свят, что не нуждается в совместном поклонении? А если они так сильны и святы, то неужели они не окажут поддержки другим своим присутствием на совместном богослужении?

Каким бы необходимым совместное поклонение ни было для обычных людей, оно еще более необходимо группе молодых людей, находящихся в вашем положении. Вы собраны здесь ради религиозного дела, вы готовитесь к выполнению самого главного религиозного служения, которое только могут нести люди: вы призваны руководить религиозной жизнью других людей. Так неужели вас будут объединять множество занятий, но вы не станете объединяться в совместном богослужении? Приехав сюда, вы оказались оторванными от семьи и всего того, что значил для вас дом; оторванными от церкви, в которой вы выросли, и всего того, что церковное общение значило для вас; оторванными от могучего влияния со стороны общинной религиозности – так неужели теперь вы не организуете свое религиозное сообщество с

естественными для вас формами религиозной жизни и религиозного самовыражения? Я подчеркиваю, что молодые люди, живущие, как вы, в относительно замкнутой общине, не могут поддерживать здоровую, полноценную, глубокую религиозную жизнь индивидуально, если они не ведут естественную религиозную жизнь как община посредством установленных, и достаточно частых, религиозных собраний. Ничто не может заменить регулярного совместного богослужения в общине – без него невозможна коллективная жизнь общины. Без него вы перестаете быть религиозной общиной, вы лишаетесь поддержки и утешения, воодушевления и мотивации, которые отдельный человек получает от участия в жизни своей общины.

Лично я совершенно убежден в том, что в таком учреждении, как наше, все студенты должны собираться вместе, утром и вечером, каждый день, для совместной молитвы; а по воскресеньям – два раза для официального богослужения. Указанные собрания являются необходимым минимумом для того, чтобы сохранить отчетливо религиозный характер нашего учебного заведения – заведения, чье функционирование главным образом заключается в ведении религиозной жизни. И я не думаю, что отдельные студенты, собранные здесь, смогут сохранить высокий уровень религиозной жизни, достойный студента-богослова, если они не сохраняют этот минимальный уровень совместной религиозной жизни. Обратите внимание, я не просто призываю вас «ходить в церковь». Это, конечно, хорошо. Я призываю вас ходить в свою церковь, то есть присутствовать и принимать активное религиозное участие на каждом установленном богослужении учебного заведения. Тем самым вы сделаете вклад в поддержание естественной религиозной жизни этого учреждения и будете черпать из этой жизни поддержку и мотивацию для личной религиозности, которые вы не сможете получить больше нигде и которые вы не можете себе позволить не получать, если вы, конечно, вообще заинтересованы в своем религиозном росте. Быть активным членом живой религиозной организации – неперемнное условие здорового религиозного функционирования.

Надеюсь, вы не скажете мне, что установленные религиозные мероприятия в нашей семинарии слишком многочисленны и утомительны. Такая жалоба лишь указывает на низкой уровень вашей личной религиозности. Ноги того, чье сердце горит религиозными чувствами, сами идут в храм и несут его радостной поступью в дом молитвы. Мне говорят, что у некоторых студентов немолитвенное настроение по утрам в зимний период и что другие студенты слишком устают под конец учебного дня, чтобы уделять время молитве, поэтому не видят смысла в вечерних молитвенных собраниях. Некоторые считают проповедь в воскресенье утром скучной и неинтересной, а на вечернем воскресном собрании не ощущают присутствия Христа. Подобное я слышал не раз. И если вы не услышите похожих жалоб в первые же шесть месяцев своего пасторства, значит, вам досталась уникальная церковь. Но это жалобы человека с улицы, человека, чье сердце равнодушно к религиозным переживаниям. Подобные жалобы – плохой симптом для того, чья жизнь должна проходить на высочайшем религиозном уровне. И те, кто служит вам духовно, должны обратить внимание на эти симптомы. Да и вы, кто получает это духовное служение, сами должны задуматься о них. Позвольте мне сказать вам прямо: проповеди, которые кажутся вам скучными, перестанут быть таковыми, если вы послушаетесь совета Господа: «Смотрите, как вы слушаете». Если вы не находите Христа на собрании, значит, вы Его с собой туда не привели. Если после обычного трудового дня вы слишком устали, чтобы завершить этот день совместной молитвой, значит, молитвенный импульс в вашем сердце слишком слаб. Если за кафедрой нет огня, то на вас лежит ответственность, чтобы зажечь огонь на церковной скамейке. Ни один человек не пропустит встречи с Богом в собрании, если он возьмет Бога с собой.

Как просто переложить вину за наши холодные сердца на наших религиозных руководителей! Интересно вспомнить, как Лютер, со своим бессмертным здравым смыслом, отвечал на жалобы людей по поводу непривлекательности его проповедников Евангелия. Он говорил, что он послал их не для того, чтобы делать людям приятно, не для того, чтобы развлекать. Их задача – учить спасительной истине Божьей, и слушатели ведут себя весьма легкомысленно, когда жалуются на то, что спасительная истина, так необходимая им, подается им в не очень красивых сосудах. Когда община в Торгау, например, хотела уволить своих пасторов, потому что, как говорили, у них были слишком слабые голоса и их было плохо слышно в церковном здании, Лютер ответил очень просто: «Это старая песня. Лучше с трудом слышать Евангелие, чем без труда слышать то, что с Евангелием не имеет ничего общего». В другой раз он сказал так: «Люди не могут иметь в церкви в точности тех служителей, которых они хотят. Они должны благодарить Бога за чистое слово и не требовать, чтобы им проповедовал Августин или Амвросий». Если пастор угождает Господу Иисусу и верен Ему, то нет настолько великого человека, чтобы он мог быть недоволен этим пастором. Одним словом, люди, алчущие истины, не должны быть излишне требовательны к тарелке, на которой истина подается, – и не будут.

Но зачем нам обращаться к авторитету Лютера? Разве у нас нет примера нашего Господа Иисуса Христа? Неужели мы выше Его? Если и был кто-то, кто мог с полным правом утверждать, что совместное богослужение ничего ему не дает, то это Господь Иисус Христос. Но каждую субботу Он оказывался среди поклонявшихся людей, и не было такого установленного богослужебного собрания, которым бы Он мог пренебречь. Даже в самые возвышенные моменты Своей духовной жизни, даже после глубочайших духовных переживаний Он спокойно занимал Свое место среди народа Божьего, участвуя вместе со всеми в общинном богослужении. Возвращаясь после той великой крещальной сцены, когда разверзлись небеса, чтобы подтвердить, что Он угоден Богу, после огненных испытаний в пустыне, после первого грандиозного обхода Галилеи, совершенного, как нам прямо сказано, «в силе Духа», возвращаясь после всего этого «в Назарет, где был воспитан», как сообщает нам поразительное повествование, Он «вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу». «По обыкновению Своему!» Иисус Христос взял за правило жизни находиться в субботний день в установленном месте богослужения. Сэр Уильям Робертсон Николл справедливо настаивает: «Это напоминание об истине, о которой мы со своей надуманной духовностью, склонны забывать: даже человек святейшей жизни не может позволить себе отказаться от установленных форм поклонения, а регулярные церковные богослужения, несмотря на все их недостатки и скучность, есть божественное средство для поддержания отдельной души». «Мы не можем быть мудрее нашего Господа в этом вопросе. Если кто-то и мог утверждать, что его духовный опыт так возвышен, что ему не нужно общее богослужение, если кто-то и мог заявить, что его личная посвященность и близость Богу освобождали его от того, в чем нуждаются простые смертные, то это был Иисус. Но Иисус не делал подобных заявлений. Каждую субботу Он приходил на богослужение вместе с народом Божьим не только для того, чтобы дать другим хороший пример, но и по более глубоким причинам. Так разве разумно кому-то из нас думать, что он может безболезненно отказаться от благочестивого обычая регулярно посещать общее богослужение в том месте, где он живет?» И должен ли я призывать тех, кто всем сердцем желает быть подобным Христу, следовать Его примеру в этом случае?

Но даже самое строгое участие в коллективных формах выражения религиозной жизни не является краеугольным камнем вашего благочестия. Этот камень – в вашей тайной комнате, а вернее, в вашем сердце, в вашей личной религиозной практике, в

ваших сокровенных религиозных устремлениях. Вы находитесь здесь как студенты-богословы; если вы хотите быть религиозными людьми, вы должны выполнять свой студенческий долг, вы должны ежедневно находить пищу для своей религиозной жизни в изучении богословия, вы должны полностью влиться в религиозную жизнь сообщества, частью которого вы являетесь. Но чтобы добиться всего этого вы должны беречь огонь религиозной жизни в своем сердце. В самой глубине вашего существа вы должны быть мужами Божьими.

Мне не хватит времени подробно описать, как должна быть устроена личная духовная жизнь. Каждая душа, ищущая Бога честно и усердно, находит Его, а найдя Его, находит и путь к Нему. Один только совет дам вам как студентам, готовящимся стать пасторами. Всегда помните о величии своего призвания, а значит, о двух истинах: о грандиозности поставленной перед вами задачи и о безграничности ресурсов, которые вам предоставлены. Думаю, не зря говорится, что трудности служения ставят нас на колени и что если мы достойно пользуемся силой, данной нам в Евангелии, то и это тоже будет удерживать нас коленях. Я обращаю внимание на это соображение, потому что мне кажется, что мы живем в такое время, когда нам надо постоянно напоминать себе о серьезности жизни с ее различными проблемами и о серьезности нашего служения, ибо мы призваны вести к жизни. Сэр Оливер Лодж сообщает нам, что современные «образованные люди нисколько не беспокоятся о своем грехе и о наказании за него», а доктор Джонстон Росс напоминает нам в своей проповеди о «легкомысленности современных религиозных устремлений». В наше время совсем не странно, что те, кто внимательно следит за жизнью наших богословских семинарий, отмечают, что самое характерное явление в них – упадок серьезности и благоговения среди студентов. Будем надеяться, что они преувеличивают. А если нет, то нас постигла великая беда. Я хочу призвать вас вернуться к серьезности и благоговению, культивировать их, если вы хотите быть мужами Божьими сейчас и достойными пасторами потом. Задумайтесь о грандиозности пасторского призвания, о том, что от того, будет ли пасторское служение достойным или недостойным, зависит вечная судьба людей – и примите с Божьей помощью твердое решение быть достойными. «У Бога был только один Сын, – сказал Томас Гудвин, – и Бог сделал Его служителем». «Только сотворивший мир, – говорит Джон Ньютон, – может сотворить служителя», то есть достойного служителя.

Вы, конечно, можете быть пастором в каком-то смысле – не сотворенным Богом. Вы можете выполнять свою работу, и я не скажу, что она будет совершенно напрасна: Бог благ, и кто знает, какие инструменты Он будет использовать для реализации Своей благой воли к людям? Хелен Джексон пишет об отчаянии того, чье сеяние не остается бесплодным для других, но не приносит урожая в его собственной душе – эта картина нам так знакома.

«О учитель! – тогда сказал я, –
Твои годы тебе разве не в радость?
Каждое слово, сходящее с твоих уст,
Разве не возвращается благословением в твое сердце?»

Послушайте его ответ:

«Я умираю от голода, обмолачивая их зерно.
Я умираю в муках, пока рождаются их души».

Поэтесса, конечно, не вкладывает в эти строки тот зловещий смысл, который им приписываю я. Но что имеет в виду Павел, когда произносит эти ужасающие слова: «Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным»? Есть еще более страшная ситуация, о которой говорит наш Спаситель: можно обойти сушу и море и обратиться одного человека, а обратив, сделать его сыном геенны вдвое худшим, чем мы сами. И разве нам не грозит то же самое: превращать своих обращенных в детей ада, коль скоро мы сами не являемся детьми неба? Даже обычная вода не течет выше своего истока – духовные потоки тем более подчиняются этой правилу. Самая большая ошибка – полагать, что христианская деятельность может заменить сокровенные христианские чувства.

Вот почему многие мудрые люди неодобрительно качают головой, когда видят, что более молодые служители предаются безостановочной деятельности в ущерб собственной духовности. Быть деятельным – хорошо, когда мы что-то делаем для Господа, то мы должны бежать и не уставать. Но не ценой внутренней духовной жизни. Нам, безусловно, нужны свои Марфы. Но что мы будем делать, когда во всей стране не останется ни одной Марии? Конечно, Марфы как тогда, так и сейчас косо смотрят на Марий. «Господи! – возмутилась Марфа. – Неужели Тебе дела нет, что моя сестра оставила меня одну служить?» Уже много столетий Мариями возмущаются, когда они тратят драгоценное благовоние во имя Бога вместо того, чтобы продать его и раздать деньги нищим, когда они, ничего не делая, сидят у ног Господа. Об одном служителе, высоко ценимом в церкви, говорят, что он заявил – не исповедался в этом, а заявил об этом как о чем-то достойном – что он уже давно перестал молиться, что вместо этого он *трудится*. «Трудись и молись» – больше не девиз пасторской жизни. Только труд и никакой молитвы. С цинизмом тех, кто считает, что Бог на стороне силы и большинства, нам говорят: только одна молитва побеждает – это труд. Вы скажете мне, что это какой-то исключительный случай. Да, слава Богу, это так. Но учитывая современную тенденцию ограничиваться безудержной – я почти сказал бессмысленной, пустой – деятельностью, вы должны приложить усилия, чтобы этот случай не стал вашим, чтобы ваш случай уже сейчас даже отдаленно не напоминал тот. Молитесь ли вы? Как много вы молитесь? Любите ли вы молиться много? Какое место «тихое время», когда вы наедине с Богом, занимает в вашей жизни?

Я убежден, что стоит вам однажды увидеть, что такое служение креста, к которому вы готовитесь, стоит вам однажды понять, какими мужами вы должны стать, чтобы нести это служение, вы тут же начнете молиться от всего сердца: «Господи, кто способен на это?» Вся ваша душа возопит к Господу со словами: «Господи, сделай меня способным к этому!» Достопочтенный Коттон Мазер написал когда-то небольшую, но великую книгу – руководство для студентов, готовящихся стать пасторами. Озаглавил он ее неудачно: «*Manductio ad Ministerium*», но, к счастью, добавил гениальный подзаголовок: «Ангелы, готовящиеся трубить в трубы». Именно так Коттон Мазер называет вас, студентов-богословов: вы ангелы, которым предстоит трубить в трубы! Примите это имя и живите достойно его. Пусть вы будете достойны этого имени и днем и ночью! А когда настанет вашей трубе прозвучать, пусть ее звук будет чистым, сильным и ясным, и тогда, возможно, проникнет в могилы и пробудит мертвых.